УДК 94(47).072
УДК 1(091)

М. Б. Свердлов

Перекличка идей в эпоху реформ: Н. М. Карамзин и И. Г. Фихте

Многочисленные реформы императора Александра I в 1801–1802 гг., которые способствовали модернизации многих сторон экономической и общественно-политической жизни России, ее культуры, оппозиция Российской империи как страны с собственными политическими интересами европейским державам, осуждение распространявшихся в стране буржуазных принципов корысти с точки зрения нравственных и творческих основ жизни стали причиной общественного запроса на ценности, свойственные человеческим идеалам. Ответом на этот запрос стали статьи Н. М. Карамзина в опубликованных в 1802 г. во втором и четвертом номерах «Вестника Европы». В них формулировались принципы новой идейной и художественной системы — романтизма. В научной литературе обращали мало внимания на влияние идей романтизма в процессе становления Карамзина-историка, а также на распространение им этих идей в России. В определенной мере эта исследовательская проблема была сформулирована Ю. М. Лотманом, который писал, ограничивая романтизм идеями свободы личности и противопоставлением субъективного начала объективному: «С начала 1800-х гг. усилия Карамзина были направлены на преодоление предромантического субъективизма, осуждение его рефлексов в области политики, этики и художественного творчества. Стремясь найти противодействие преувеличенному интересу к отдельной личности, Карамзин начинает видеть положительное начало в объективном. Объективное же воспринимается как противоположное личностно-

му. Так, идеалу свободы человека начинает противопоставляться идея растворения личности в истории, обычаях, национальной традиции»[1].

Анализ воздействия концепции романтизма на Карамзина на единый стиль эпохи начала XIX в. и карамзинских статей 1802 г., которые не привлекли внимания Лотмана, позволяет продолжить изучение проблемы влияния романтизма на становление Карамзина как историка. Россия и Германия этого времени характеризовались реформами, которые кроме внутренне обусловленных причин стимулировались практикой революционной, а позднее наполеоновской Франции. Сравнительный анализ идей Карамзина и яркого представителя романтического направления в философии и общественно-политической теории И. Г. Фихте (1762–1814) позволяет проследить общее и особенное в их концепциях романтического содержания.

Поводом для написания первой из таких карамзинских статей в «Вестнике Европы», содержащих идеи, свойственные романтизму, стали объявления в московских газетах некоего француза, который какое-то время жил в России, а вернувшись на родину, организовал пансион для обучения молодых русских дворян разным дисциплинам, особенно русскому языку. Статья Карамзина называлась «Странность». Его возмутили предложения этого француза. Карамзин противопоставил им принципы воспитания детей в семье и на родине. В этих принципах соединились начала просветительские и патриотические. По Карамзину, для воспитания детей необходимы органические связи с родиной — с ее климатом, обычаями, «характером жителей, образом жизни и правления», т.е. с широко понимаемым национальным укладом жизни. Он уверенно утверждал, что основой воспитания должно стать освоение национальной культуры, которая станет отправной точкой успехов государства: «Мы знаем, что в одной России можно сделаться хорошим русским, а нам для государственного счастья не надобно ни французов, ни англичан». Учитывая свой жизненный опыт, прежде всего заграничное путешествие 1789–1790 гг., Карамзин не был против того, чтобы молодые люди, хорошо подготовленные в разных отраслях знаний, уезжали «в чужие земли узнать европейские народы, сравнить их физическое (т.е. материальное. — *М. С.*) и гражданское состояние с нашим, чувствовать даже и самое их превосходство во многих отношениях». Для таких юношей, по Карамзину, Россия остается родиной, местом постоянного проживания и деятельности. Гарантией достойного обучения юношей, по Карамзину, являлось то, что в России учили тому же, по тем же авторам и книгам, что и во Франции. «Мы уже, слава Богу! Не варвары», — написал он в данной связи. Манерам офранцуженных русских людей он противопоставил национальную гордость, русский язык как вид и средство национальной самоидентификации, а также историческую традицию: «<...> вы недостойны называться русскими, которые гордятся языком Святослава, Владимира, Пожарского, Петра Великого»[2].

Если в конце 1780-х — начале 1790-х гг. Карамзин под влиянием просветительских идей и, возможно, Французской революции писал в «Письмах русского путешественника» о единстве мира и человечества, о том, что «всё *народное* ничто перед *человеческим*», «главное дело быть *людьми*, а не славянами»[3], то в 1802 г. его требования воспитания детей на родине и в семье, где они продолжат традиции русского языка, национальной культуры и истории, имели противоположное, романтическое, содержание. Основой воспитания и жизни народа должно было стать, по Карамзину, определяющее воздействие климата, народных традиций, преемственности образа жизни и правления. Особое значение в таком контексте приобретала национальная культура как одна из основ успехов государства.

Такие идеи сформировались ранее в философской среде немецких интеллектуалов, которые видели в них средство к объединению Германии на основе единства исторической и культурной традиции немецкого народа, немецкого литературного языка.

В середине — второй половине 1780-х гг. И. Г. Гердер (1744–1803) издал свой знаменитый труд «Идеи к философии истории человечества», в котором просветительская концепция единства исторического процесса соединена с наблюдениями над конкретными особенностями развития народов под влиянием значительных различий природных условий. Эти различия формировали многообразие народов в их антропологическом типе, психическом складе и образе жизни[4]. Эти идеи, восходившие к трудам Жана Бодена (1530–1596), были усвоены просветительской историографией и нашли продолжение в исторической концепции романтизма.

Еще в 1770–1771 гг., находясь в Страсбурге, Гердер делился с И. В. Гёте (1749–1832) своими идеями об историческом и культурном значении средних веков, примером чего являлся знаменитый собор в Страсбурге, о немецкой народной культурной традиции песен, преданий, сказок, народной поэзии. Это также были идеи, которые формировали философскую, эстетическую и историческую концепцию романтизма. Гёте поддержал и разработал их в статьях «О немецком зодчестве» (написана в 1771 г., опубликована в 1772, но с датой 1773[5]), о немецкой поэзии, в записях народных эльзасских песен, в драме о немецком рыцаре «Гётц фон Берлихинген с железной рукой» (1773). Особое значение приобретали в таких идеях не страсти королей и героев в соответствии с концепцией классицизма, а стремление к личному счастью обычного человека («Страдания юного Вертера», 1774), неудовлетворенность действительностью и поиски идеала (начало работы над «Фаустом», 1773). Так в немецкой литературе формировалась концепция предромантизма, дополненная в предреволюционных условиях Западной Европы идеей самопожертвования для счастья народа («Эгмонт», 1787).

Идеям романтизма в творчестве Гёте уделяется недостаточно внимания[6]. Между тем он не только обстоятельно рассказал о своих беседах с Гердером,

об их влиянии на свои взгляды в молодые годы, но и обобщил свои новаторские для того времени наблюдения, поводом для которых стали размышления в статье «О немецком зодчестве» над архитектурой Страсбургского собора: «Во-первых, я настаивал, чтобы такое зодчество звалось немецким, а не готическим и почиталось бы не за чужеземное, а за отечественное; во-вторых, чтобы его не сравнивали с зодческим искусством греков и римлян, ибо последнее исходит из совсем иного принципа». Этим принципом для Гёте являлись тогда различия природных условий. Самокритично отметив в этой своей статье «пыльное облако выспренних слов и фраз», которые «затемнили» «простейшие мысли и наблюдения», Гёте завершил: «И всё же эта статейка встретила хороший прием и была вторично напечатана в гердеровском труде “О немецком характере и искусстве”»[7].

Так уже в начале 1770-х гг. формировалась романтическая концепция приоритета национального как антитезы просветительскому пониманию всеобщих закономерностей исторического развития. В особых условиях предреволюционной и революционной Франции, распространения ее идей особенно развилась другая составляющая этой романтической концепции — большое значение народа как субъекта исторического процесса.

Таким образом, прекрасно зная состояние интеллектуальной жизни стран Западной Европы, их современной и исторической действительности, равно как и России в контексте новейших событий ее истории, Карамзин в статье «Странность» в 1802 г. сформулировал новую для своего творчества концепцию романтизма, которая формировалась в немецкой научной литературе с 1770-х гг. Карамзинская концепция лишь внешне напоминала традиционную для русской литературы XVIII в. критику офранцуженных русских дворян. Она представляла собой сформулированный системный подход к изучению России и ее истории в единстве народа как этнокультурной целостности, государства, личности, патриотизма.

Об обоснованности такого понимания новых для Карамзина принципов, заявленных в самом начале издания «Вестника Европы», свидетельствует его другая статья, опубликованная в четвертом номере за тот же год, — «О любви к отечеству и народной гордости». Эта статья еще отчетливее демонстрирует связи идей Карамзина с современной российской и европейской действительностью в системе романтических ценностей.

Как написал Карамзин, «патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях». Он настаивал на необходимости сохранения «народного достоинства» для такой державы, как Россия, в отношениях с другими народами и государствами. При этом он подчеркивал, что «любовь к отечеству» не должна «ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою».

В стиле классицизма и особенно его модификации конца XVIII — начала XIX в. — ампира, которым была свойственна приверженность к воинской

атрибутике, описанию подвигов и сопровождавшей их славы, вне зависимости от европейской страны, где в такой стилистике создавались произведения в самых разных видах литературы, искусства и архитектуры, Карамзин обозначил константу русской истории — славу и победы: «Мы не имеем нужды прибегать к басням и выдумкам <...>, чтобы возвысить наше происхождение: слава была колыбелию народа русского, а победа — вестницею бытия его». Все события отечественной истории, с IX по XVIII столетие, включая трагедии ордынского нашествия и «Смутного времени», Карамзин интерпретировал как проявление славы и народной гордости. Поэтому он вопрошал: «Но какой народ в Европе может похвалиться лучшею судьбою?».

Еще как публицист, но не историк, Карамзин написал о победах русского оружия, иронизируя над французами после недавних в то время побед А. В. Суворова: «<...> мы показали, как бьют шведов, турков — и, наконец, французов. Сии славные республиканцы, которые еще лучше говорят, нежели сражаются, <...> бежали в Италии от первого взмаха штыков русских. Зная, что мы храбрее многих, не знаем еще, кто нас храбрее». Он написал об успехах России в «военном искусстве», о том, что «наши гражданские учреждения мудростию своею равняются с учреждениями других государств, которые несколько веков просвещаются», о достижениях русской литературы.

В качестве российского недостатка Карамзин отметил, что «в науках мы стоим еще позади других и для того единственно, что менее других занимаемся ими и что ученое состояние не имеет у нас такой обширной сферы, как, например, в Германии, Англии и проч.». Но он не сомневался в том, что «мы имели бы уже своих Линнеев, Галлеров, Боннетов», «если бы наши молодые дворяне, *учась*, *могли доучиваться* и посвящать себя наукам», имея в виду продолжение высшего образования в западных университетах. Особое внимание Карамзин уделил необходимости совершенствования русского литературного языка, но он вновь осудил тех русских, которые предпочитают «говорить чужим языком».

Завершил Карамзин статью «О любви к отечеству и народной гордости» романтическим призывом: «...как человек, так и народ <...> должен со временем быть *сам собою*, чтобы сказать: «Я существую морально!»», т.е. человек и его народ должны в высшей степени саморазвиться, а народ еще — стать этнокультурной целостностью. Этот принцип должен был стать основой дальнейшего развития страны в новых условиях реформ царствования Александра I: «Наблюдатель везде видит новые *отрасли и развития*; видит много плодов, но еще более цвета. Символ наш есть пылкий юноша: сердце его, полное жизни, любит деятельность; девиз его есть: *труды и надежда!*»[8]

В отличие от Карамзина, его современник Фихте несколько позднее, в 1807–1808 гг., сформулировал свои идеи о патриотизме, необходимости преобразований, понимании нации как единения всего народа на основе единства литературного языка и культуры в особых обстоятельствах истории Германии. К этому времени значительная часть немецких государств в виде Рейнского

союза оказалась в 1806 г. под фактическим управлением Наполеона. После поражений под Иеной и Ауерштедтом в 1806 г., а также заключения Тильзитского мира в 1807 г. Пруссия потеряла половину своих территорий. В таких обстоятельствах раскрылась значительная военная, социально-экономическая и политическая отсталость германских государств, включая наиболее крупную их них — Пруссию, где с 1807 г. начали осуществляться самые необходимые для страны реформы Г. Ф. К. Штейна в гражданских отраслях, а также военная реформа Г. И. Д. Шарнхорста. Уже давно существовавшие в немецкой интеллектуальной среде многочисленных германских государств идеи необходимости их объединения на основе единства исторической традиции, народа и литературного языка как концепции предромантизма нашли подтверждение в необходимости их осуществления в экономических, социальных и политических реалиях новейших событий. Преобразования в Пруссии были тем более необходимы, что, как доверительно сказал 14 (2) декабря 1810 г. Шарнхорст российскому посланнику в Берлине Х. А. Ливену, он «очень недоволен состоянием умов в Пруссии, ибо здесь наблюдается упадок духа, доходящий до желания как можно скорее узнать решение своей судьбы, каким бы оно ни было»[9].

По-новому осмыслил и сформулировал задачи, стоящие перед Германией, Фихте в «Речах к немецкой нации» (1807–1808). Его идеи оказались во многом близки к тому, о чем ранее писал Карамзин, но с определенными особенностями. Поражения в войнах с революционной и наполеоновской Францией обострили у Фихте чувство национального единства.

Утверждая существование немцев как единого народа, Фихте обращался к ним как к этнокультурной целостности без различий в социальном и имущественном положении, подчеркивая единство нации в историческом процессе: «Я говорю просто для немцев, просто о немцах, не признавая, но откладывая в сторону и отбрасывая все разделяющие различия, которые были созданы в единой нации злосчастными событиями в течение столетий». Основу этого единства должны были составить самосознание и самодостаточность.

Это чувство единства должно было стать деятельным, чтобы «подняться» после поражений за «честь, свободу, самостоятельность», допуская в случае необходимости самопожертвование. Призывая немцев отказаться от своекорыстных эгоистических интересов, Фихте обещал начало «нашей новой жизни в новом мире».

Средством для достижения таких целей, по мнению Фихте, должно было стать государство. Ему следовало поддержать и направить народную энергию, противостоять негативным общественным явлениям в стране. Поэтому Фихте обвинял современные ему прусские власти «в вялом использовании поводьев государства, что называют иностранными словами гуманность, либеральность, популярность и что, однако, на немецком языке правильней назвать сонливостью и недостойным поведением». По Фихте, государство должно принуждать народ как целостность к достижениям благих целей, к победам с внешними

врагами и успехам во внутреннем строительстве: «<...> если только оно обладает мужеством железной рукой удерживать поводья управления внутри и управлять с помощью страха».

Наряду с ранее названными средствами создания единой немецкой нации и даже сохранения ее существования Фихте назвал «полное изменение воспитания». Отметив существование разных уровней образования в немецких сословиях, существование «образованных» и «необразованных» сословий, он считал необходимым создание единой системы образования, которая должна объединить социально разъединенный народ «единым настроем» в нацию. Фихте писал: «Нам поэтому не остается ничего иного, кроме как распространить новое образование на всё без исключения, что есть немецкого, так что оно будет не образованием какого-нибудь сословия, но образованием нации просто как таковой и без всякого изъятия каких-либо ее отдельных частей, в котором, собственно, в воспитании ко внутреннему удовлетворению правым полностью снимается и исчезает всякое различие сословий, которое в других ветвях воспитания может продолжать сохраняться; и, таким образом, у нас возникает ни в коем случае не народное воспитание, но собственно немецкое национальное воспитание». Оно, по Фихте, воспитывает не обыденные, в лучшем случае, добропорядочность и нравственность, а творческие начала, заложенные воспитанием[10].

Используя категории философии И. Канта, Фихте ввел понятие идеального типа немца — «немец в себе и для себя». Для обоснования этой националистической идеи он использовал якобы историческое обоснование: немцы, в отличие от других народов германской группы, к которой они принадлежали, сохранили и соединили «созданный в древней Европе общественный порядок с сохраненной в древней Азии истинной религией». Другое «фундаментальное свойство, отличающее немцев от других народов германского происхождения» — немецкий язык. Только немцы говорят, по Фихте, на истинном, «изначальном», немецком языке, который является средством выражения особой немецкой духовности, тогда как «остальные германские племена — на языке, оживленном только лишь на поверхности, но в корне мертвом».

При таком отношении к «остальным германским племенам» Фихте последовательно характеризовал всё ненемецкое в реальной действительности и идейной жизни как «мертвящий дух зарубежья». По его словам, «всё это, где бы оно ни было рождено и на каком бы языке оно не говорило, не немецкое и чуждо нам, и чем раньше оно отделится от нас, тем лучше»[11].

В то же время Фихте обращал внимание на необходимость воспитания любви к Отечеству, на осознанной принадлежности к своему народу, на «подлинной и соразмерной разуму любви к своей нации».

В условиях политической раздробленности Германии на множество государств, многообразных по государственному, преимущественно еще средневековому, устройству, он указывал на народ и Отечество как высшие патрио-

тические ценности, как на хранителей вечных исторических и национальных ценностей. В такой иерархии Отечества и государства Фихте последовательно отдавал первенство Отечеству: «Любовь к Отечеству сама должна управлять государством». Такой принцип должен был побуждать патриотов активно бороться за высшие интересы Германии и тем более ее многочисленных в начале XIX в. государств. Но при этом оказывалось, что в концепции Фихте представление о государстве лишено конкретного содержания как политической и правовой системы, регулирующей все виды социально-экономических, правовых, внутри- и внешнеполитических отношений народа, населяющего это государство. Поэтому, как писал Фихте, у немцев, «как еще и у греков в древности, государство и нация были разделены, и каждое представляло себя, первое — в особенных немецких королевствах и княжествах, последнее зримым образом — в имперском союзе, незримым — в множестве обычаев и уложений, в своих последствиях, бросающихся в глаза повсюду, действительных не в силу писанного, а в силу живущего во всех душах права»[12].

В устремлениях к созданию единой реформированной Германии, к объединению значительно разделенных диалектами и культурными традициями немцев в нацию, в условиях военных поражений немецких государств, зависимости некоторых из них от Франции Фихте придавал особое значение немецкому языку как символу политической независимости и самоуправления, как средству национальной самоидентификации. Проблема языка в немецких землях обострялась еще тем, что в условиях зависимости, а то и оккупации в них стал распространяться французский язык как средство общения в разных слоях народа. В данной связи он писал: «Как, без сомнения, верно, что повсюду, где встречается особый язык, есть особая нация, которая имеет право самостоятельно заботиться о своих обстоятельствах и управлять собой; также верным будет и обратное: когда народ перестает управлять собой, он обязан также отказаться от своего языка и слиться с одержавшими верх, чтобы возникло единство, а внутренний мир и отношения, которых больше нет, должны быть полностью преданы забвению». Поэтому Фихте указывал на особое предназначение литературы как средства объединения немцев, выражения необходимых для народа задач: «Собирать свою нацию и совещаться с ней о самых важных ее делах — вот самая благородная привилегия и самая святая служба писателя»[13].

Утверждая идею исторического, духовного и культурного единства германской нации, Фихте пришел к выводу о необходимости ее самоизоляции и самодостаточности, не допускающих взаимодействия с соседними народами и государствами. По его мнению, «всеобщее благо <...> только лишь в единстве немцев с собой»[14]. Совершенно очевидно, что в его сознании сформировался некий идеальный образ Германии, далекий от исторической действительности, в которой ее постоянные войны и агрессивная внешняя политика совмещались с культурным взаимодействием с соседями, что было свойственно всемирной практике во все времена.

Свою теорию единой немецкой нации, сформулированную в особых общественно-политических условиях германских государств конца XVIII — начала XIX в., Фихте обобщил в идеалистическую концепцию закономерности исторического процесса закрытых в себе этнических общностей, возводимых к некоему мистическому единству: «Залог современных и будущих достоинств, добродетелей и заслуг наций заключается в незримых и скрытых от глаз собственных свойствах наций <...>. Если они притупляются вследствие смешения и стирания, то эта плоскость ведет к отторжению от духовной природы, а она — к слиянию всего в равномерную и взаимосвязанную порчу. Должны ли мы верить писателям, которые утешают нас во всех наших бедах тем соображением, что мы взамен станем подданными грядущей универсальной монархии, верить тому, что некто решил предпринять такое перемалывание всех зерен человеческого в человечестве, чтобы поместить растекающееся тесто в какую-нибудь форму <...>?» Такая концепция национального единства должна была противопоставить социальный мир практике борьбы сословий в западноевропейских странах начала XIX в. При этом Фихте упомянул «определенное сословие», имея в виду дворянство, которое «оттеснило все остальные от управления государствами», но не исполнило свой долг перед народом для преуспевания нации в целом. Но столь актуальный для Французской революции вопрос об ответственности дворянства за совершенные им социальные несправедливости Фихте растворил в германских условиях в частностях ежедневной жизни: «... взаимосвязь и перепутанность целого, весь дух времени, ошибки, невежество, поверхностность, уныние и неотделимые от них неверные шаги, нравы времени в целом, — вот что привело к нашим бедам»[15].

Совершенно очевидно, что эта теория единства нации и ее культуры была противопоставлена как просветительской концепции единства исторического прогресса, так и натиску идей революционной Франции, стремившейся распространить в европейских странах свои идеи и практику, превратить всех французов в граждан. Фихте подчеркивал, что его теория не утверждает верховенство немецкой культуры над другими, имея в виду претензии на первенство французской культуры в XVIII — начале XIX в., но он призывал противопоставить унижающей немцев лести чужой культуре, в данном случае французской, национальную гордость и немецкую культуру.

Сравнение концепций Карамзина и Фихте позволяет установить общее и особенное в них.

Утверждая существование народа как этнокультурного единства, Карамзин сохранял реалии социальных различий в прошлом и настоящем, тогда как Фихте их осознанно не учитывал, создавая из нации идеальную идеологическую конструкцию.

Карамзин и Фихте считали, что единство народа должно было быть деятельным, приносящим конкретные положительные результаты. Но для Карамзина оно было необходимо в условиях постепенных преобразований, для Фихте —

прежде всего для борьбы за независимость, последующего реванша за военные поражения и установление политической независимости от Франции, обещая утопические идеалы новой жизни в новом мире.

Карамзин и Фихте в равной мере считали необходимым руководящее значение государства в историческом и современном преобразовательном процессе. Но Карамзин определял его предназначение в постепенном реформировании страны, тогда как Фихте — в создании тоталитарного режима, который должен быстро изменить в Германии всю систему социальных связей и культуры.

Существенны оказались различия Карамзина и Фихте в определении задач образования. Карамзин особо отмечал потенциальные возможности русского народа в интеллектуальном прогрессе всех видов творчества, но обращал внимание на создание особых условий в профессиональной подготовке дворян, лишь повышая уровень образованности непривилегированных сословий. Фихте предложил создать систему внесословного обучения и воспитания, единообразие которой должно было обеспечить интеллектуальное единство всех сословий посредством воспитания в них единых национальных ценностей и картины мира. Такая система не отрицала, а предполагала возможности различий в последующей профессиональной подготовке и образе жизни. В то же время немецкая картина мира в историческом контексте оказалась у Фихте насыщенной националистическими идеями.

В условиях военной опасности для России и реальной угрозы для независимости немецких государств в значительной мере близким оказалось отношение Карамзина и Фихте к особой роли национального языка в жизни народа и страны. Но в конкретных обстоятельствах великой державы России, единой политически с централизованной системой управления, и множества мелких и мельчайших немецких государств задачи национального языка становились, по Карамзину и Фихте, в значительной мере разными.

Карамзин придавал особое значение реформированному русскому языку как средству национальной самоидентификации, как выражению национальной гордости и принадлежности к исторической традиции. Для Фихте немецкий язык стал не только средством национальной самоидентификации, но в конкретных обстоятельствах Германии того времени также средством объединения немецких земель в Германию, немцев — в нацию, средством борьбы за независимость в условиях внешней военно-политической агрессии. Поэтому для Фихте были очевидны особые задачи литературы для достижения данных целей, тогда как Карамзин стремился пока реформировать литературный русский язык и литературу, способствуя утверждению в ней сентиментализма как новейшего для того времени литературного стиля.

Карамзин, реформатор литературного русского языка, боролся за его совершенствование как открытой системы в общеевропейском контексте, осуждая пренебрежение родным современным русским языком со стороны тех людей, которые не знали и не понимали его безграничных выразительных

возможностей, предпочитая язык иностранный. Для Фихте немецкий язык стал средством национальной самоидентификации, утверждавшей гордость за язык и культуру. Но для Карамзина и Фихте в равной мере родной литературный язык являлся основой национальной гордости.

При осмыслении места и значения России в исторической и современной действительности Карамзин исходил из реалий постоянного взаимодействия с соседними народами и государствами, тогда как Фихте считал, что немецкому народу вследствие его культурной самодостаточности свойственна самоизоляция.

Если, по мнению Фихте, концепция национального единства должна была принести в общественно-политических условиях начала XIX в. социальный мир и сближение возможностей разных социальных групп, то Карамзин исходил из необходимости сохранения сословного строя в конкретных условиях России того времени.

Сравнение концепций Карамзина в 1801–1802 гг. и Фихте в 1807–1808 гг. свидетельствует о том, что они представляли собой целостные философские и общественно-политические теории, которые обобщили опыт исторического и современного развития своих стран и предложили определенные направления последующего развития. Они во многом совпадали, но во многом и различались, обращая внимание на особенности их содержания. Их сравнение обращает внимание на особую значимость обеих концепций в истории идей и формирования романтизма как «стиля эпохи» (Д. С. Лихачев) обеих стран.

---

1 *Лотман Ю. М.* Пути развития русской прозы 1800–1810-х гг. // Лотман Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 391–392.

2 *Карамзин Н. М.* Странность // Вестник Европы. М., 1802. № 2. С. 52–57.

3 *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 1. С. 346; курсив Карамзина.

4 *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества / Пер. и прим. А. В. Михайлова. М., 1977. С. 140–168.

5 *Аникст А.* Комментарии // Гёте И. В. Собр. соч.: В десяти томах. М., 1980. Т. 10: Об искусстве и литературе. С. 447.

6 *Михайлов А. А.* Поздний Гёте и проблема романтизма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

7 *Гёте И. В.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 3: Из моей жизни: Поэзия и правда. С. 428.

8 *Карамзин Н. М.* О любви к отечеству и народной гордости // Вестник Европы. 1802. Ч. 1, № 4. С. 56–69; курсив Карамзина.

9 Внешняя политика России. М., 1967. Т. 5. С. 634.

10 *Фихте И. Г.* Речи к немецкой нации / Пер. А. А. Иваненко. СПб., 2009. С. 52–63, 66, 69–70, 75.

11 Там же. С. 108–109, 125, 177, 185.

12 Там же. С. 189, 197, 199, 207.

13 Там же. С. 282–283.

14 Там же. С. 290–291, 297.

15 Там же. С. 299, 303, 307–309.

References

ANIKST A. *Kommentarii* [Comments. In Russ.] // Gëte I. V. Sobranie sočineniy v desâti tomah. T. 10. Moscow, 1980.

GERDER I. G. *Idei k filosofii istorii čelovečestva* [Ideas to mankind history philosophy. In Russ.] / Per. i prim. A. V. Mihajlova. Moscow, 1977.

GOETHE I. V. *Sobranie sočineniy v desâti tomah*. [Collected works in ten volumes. In Russ.] T. 3. Moscow, 1976.

KARAMZIN N. M. *O lûbvi k otečestvu i narodnoj gordosti* [About love to the fatherland and national pride. In Russ.] // Vestnik Evropy. 1802. Č. 1. N4.

KARAMZIN N. M. *Pis'ma russkogo putešestvennika* // Karamzin N. M. Sočineniâ v dvuh tomah / Sost., vstup. stat-â i komm. G. P. Makogonenko. [Letters of the Russian traveler. In Russ.] Leningrad, 1984. T. 1.

KARAMZIN N. M. *Strannost'* [Strangeness. In Russ.] // Vestnik Evropy. M., 1802. N2.

LOTMAN Û. M. *Puti razvitiâ russkoj prozy 1800–1810-h gg.* [Ways of development of the Russian prose of the 1800–1810. In Russ.] // Lotman Û. M. Karamzin: Sotvorenie Karam-zina. Stat-i i issledovaniâ 1957–1990. Zametki i recenzii. Saint Petersburg, 1997.

MIHAJLOV A. A. *Pozdnij Gëte i problema romantizma*. [Late Goethe and problem of romanticism. In Russ.] Avtoref. ... dis. kand. ist. nauk Moscow, 1980.

FIHTE I. G. *Reči k nemeckoj nacii* [Speeches to the German nation. In Russ.] / Per. A. A. Ivanenko. Saint Petersburg, 2009.

Список литературы

Аникст А. Комментарии // Гёте И. В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1980.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. и прим. А. В. Михайлова. М., 1977.

Гёте И. В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М., 1976.

Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости // Вестник Европы. 1802. Ч. 1, № 4.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 1.

Карамзин Н. М. Странность // Вестник Европы. М., 1802. № 2.

Лотман Ю. М. Пути развития русской прозы 1800–1810-х гг. // Лотман Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997.

Михайлов А. А. Поздний Гёте и проблема романтизма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / Пер. А. А. Иваненко. СПб., 2009.

М. Б. Свердлов. Перекличка идей в эпоху реформ: Н. М. Карамзин и И. Г. Фихте

Сравнение романтических концепций Карамзина в 1801–1802 гг. и Фихте в 1807–1808 гг. позволяет установить их общее и особенное. Оба они утверждали существование народа как этнокультурного единства. Карамзин сохранял реалии сословных различий в прошлом и настоящем, тогда как Фихте стремился их нивелировать. Оба они считали, что единство культуры разных слоев общества должно приносить положительные результаты народу и государству. Карамзин и Фихте в равной мере считали необходимым руководящее значение государства в историческом и современном преобразовательном процессе, но Карамзин — в постепенном реформировании страны с сохранением ее сословной структуры, а Фихте — в создании тоталитарного режима, который должен быстро изменить в Германии всю систему социальных связей и культуры. Проанализированы сходство и различия романтических концепций Карамзина и Фихте в задачах образования молодежи, в определении особого значения национального языка в жизни народа и страны, в осмыслении места и значения своих стран в исторической и современной действительности.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, И. Г. Фихте, Просвещение, романтизм, реформы, государство, национальная культура, образование, национальный литературный язык.

M. B. Sverdlov. Muster of ideas during an era of reforms: N. M. Karamzin and I. G. Fichte

Romantic conceptions of Karamzin in 1801–1802 and Fichte in 1807–1808 make clear their common and different ideas. Both of them affirmed the people as an ethnic and cultural unity. Karamzin maintained class

differences in past and present, but Fichte aimed to level them. Both of them thought that the unity of culture results in the good of the community and the state. They supposed that the state had to direct fundamental changes in historical past and in the present time, but according to Karamzin in gradual reforms of the country with its class structure and according to Fichte in totalitarian regime that has to change quickly all the system of social communications and culture in Germany. The author has analyzed close resemblance and distinctions between their conceptions on the national youth's education, on determination of peculiar importance of the national language for the people and the country, on comprehension of importance of their countries in historical and modern reality.

Key words: Karamzin, Fichte, Enlightenment, Romanticism, reforms, state, national culture, education, national literary language.

Свердлов, Михаил Борисович — д-р ист. наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Sverdlov, Michail Borisovitch — Dr. of Sciences (History), chief researcher, St Petersburg Institute of History, Professor, Russian State Pedagogical University.

E-mail: sverdlovmb@mail.ru